

Эффект Рериха

Интервью с А.М.Пятигорским из книги

«Юрий Рерих: Живое наследие. Материалы к биографии.»ⁱ

Вып. I: Сборник статей и интервью. – М.: Государственный Музей Востока, 2012.

– Каким вы увидели Юрия Николаевича Рериха как человека, ведь он же пришёл, как мне кажется, с нездешней стороны?

– Хочется оговорить с самого начала, что он был не только с «нездешней стороны» – он был с нездешних сторон. Юрий Николаевич – один из тех немногих людей (кроме него я знал ещё двух-трёх человек), которые существовали в трёх культурах. А именно, во-первых, в так называемой «высокой русской культуре» конца XIX – начала XX веков. Между прочим, высоту этого периода русской культуры с тех пор не только не превзошли, но даже близко к ней никто не подошёл, и неизвестно, когда это случится. К тому же Юрий Николаевич по своему происхождению принадлежал к русской элитной культуре. Ведь по батюшке, Николаю Константиновичу, и матушке, Елене Ивановне, его род действительно восходит к ранним Рюриковичам. Во-вторых, он воспринял традиции абсолютно элитной западной культуры. И в третьих, его личность сформировалась на ещё более элитной тибето-монгольской буддийской культуре.

Здесь я хочу сделать маленькое примечание. Когда мы говорим о различии культур, об антагонизме культур, об идиотском противопоставлении разных культур, речь идёт о различии «средин» и «низов» на элитном уровне. Как это в своё время в известном стихотворении (помните?): «Запад есть Запад, Восток есть Восток». Как это противостояние, пусть примитивно и слишком лобовым образом, выразил Киплинг. На элитном уровне – это же одна и та же культура, и я вам скажу с элементом некоторого хвастовства, – это тройственная культура, которой и свет не видывал. И вот она существовала в Юрии Николаевиче.

Вернувшись в Россию, он невольно занялся нами, совершенно новыми учениками, интеллигентными мальчиками и девочками, милыми, приятными, но в то же время частично унаследовавшими основные черты хамской советской цивилизации. Тут ничего не поделаешь. Это нас не извиняет, это констатация факта Я тогда был, прежде всего, сам такой. Вспоминаю своё первое впечатление от Юрия Николаевича. Я вышел от него, и в коридоре столкнулся с моим молодым коллегой, только что защитившим кандидатскую диссертацию, Он говорит мне: «Ну, какое у тебя впечатление от так называемого Рериха?». Опять, заметьте, московский подход – не опробован, значит, «так называемый». Я отвечаю: «Нет, ты знаешь, у меня определенное впечатление от себя самого после получасового разговора с Юрием Николаевичем». Я тогда сам о себе подумал: «Какой же я молодой наглый хам!». Это очень важно, вы понимаете, в этом была колоссальная невыразимая педагогика. Появляется вот такой, ни на кого не похожий человек, и понимаешь, кто же ты на самом деле. И в этом даже не было самоуничтожения, а было простое осознание: по сравнению с таким человеком я всего лишь молодой наглый хам. И всё тут!

Он стал нами заниматься. И я увидел, кто же все мы такие. Ну, о чём мы тогда мечтали? Прежде всего закончить, аспирантуру, защитить диссертацию, опубликовать статью. Вторую, третью, четвёртую... Затем издать книгу... Это называлось духовной работой. А ведь на самом-то деле всё это укладывается в рамки низкого научного интеллигентского прагматизма, которому мы следовали.

Но главное не в этом. Я говорю об его эффекте Рериха. Вообще, я хотел бы, чтобы это

моё маленькое выступление было названо «Эффект Рериха». Только с приездом Рериха я почувствовал, что траншея между нашей интеллигентской научной элитой и всеми остальными Ваньками и Петьками, что мы вырыли до встречи с ним, постепенно засыпается. По сравнению с пропастью между нами и Юрием Николаевичем, провал между интеллигенцией и хамами внизу и интеллигенцией и хамами наверху, в правительстве, представлялся совершенно незначимым. А это, согласитесь, был уже важный моральный урок. Всякий раз, встречаясь с ним, я думал: «а кто я такой?», «а кто мы такие?», «тоже мне, цвет нации, кандидаты и доктора наук, великие специалисты по индийским, индонезийским и африканским языкам!». Он внёс другое измерение, и я его без малейшего колебания назову этическим измерением.

Тут хочу сказать нечто важное. Не надо преувеличивать проблемы, которые возникали у Юрия Николаевича. Это были нормальные советские неприятности, даже гораздо меньшего масштаба, чем те, с которыми сталкивались мы. Главная проблема состояла в том, что он не мог понять и охватить масштабы зла, существовавшего у нас в стране. Ведь это же была «палата № 6»! Это понятно, да? И этого он понять, естественно, не мог. Он сообщал своему другу во Францию: «Какие замечательные, какие чистые мальчики и девочки, какие удивительные люди, какие феноменальные эрудиты!». То есть, если хотите, Юрий Николаевич о нас свидетельствовал с точки зрения того уровня, на котором мы не были, но, во всяком случае, мы начали получать представление об этом уровне. Без него мы не получили бы его. Вот так, в двух словах, о его главной проблеме.

Приостановили издание великолепного перевода «Дхаммапады» Владимиром Николаевичем Топоровым, с его потрясающим предисловием и прекрасными комментариями. Ответственным редактором этой книги был Юрий Николаевич Рерих. Я вообще сказал бы, что возрождение интереса к буддизму, реального интереса, а не пошлого и вульгарного, и не идеологического интереса, началось с работы Владимира Николаевича Топорова «Дхаммапада». Взял и перевёл «Дхаммападу», но как! – великолепно! Но дело было не только в этом. А в том, что когда начались неприятности, сплетни, обсуждения, главным аргументом противников её публикации было то, что «Дхаммапада» – религиозный источник. В этой ситуации существовало две линии защиты. Одна – обычная советская, целиком соответствующая уровню учёных интеллигентов: «Здесь никакой религии нет, это культура, это философия, наконец». Даже тогда, при моей морально-интеллектуальной неразвитости, я чувствовал, что это хуже, чем ложь. Это привычное интеллигентское враньё барину, чтобы не отхлестал нагайкой. Хотя бы на это соображение меня тогда хватило! Единственный человек, который совершенно спокойно реагировал на этот сомнительный аргумент, был автор и переводчик Владимир Николаевич Топоров. И когда его прямо спросили: «Но вы же не религиозный человек, вы же работали над текстом как учёный?», – он тихо улыбнулся и сказал: «Нет, я религиозный человек». Точка! Всё! Он был такой один. Я вообще бы сказал, что фигура Топорова, этого уникального русского человека, даже – московского человека, остаётся единственной в нашей научной среде того времени, я бы сказал больше – соперничающей с уникальностью Юрия Николаевича Рериха. Просто, согласитесь, Топорову было потруднее. Это человек, который с абсолютным спокойствием – не буду говорить, как он всё это переживал, – делал своё дело до дня, до ночи своей смерти.

Что-то сдвинулось в нас из-за Рериха. Потому что русскому человеку всегда нужен кто-то со стороны. Ну что Топоров?! Ну что там опять Топоров, опять Иванов?! Вы знаете, по старому еврейскому анекдоту спорят два еврея. Один говорит: «В Одессе же есть много порядочных евреев!». – «Ну, кто?» – «Ну, Рабинович». – «Согласен, хорошо. А кто ещё?». Человек начинает: «А что, я Рабиновича уже называл?» – «Да». – «А... из Николаева

можно?». Так вот, то же самое – разговоры интеллигентов о Москве. Кто в Москве абсолютно порядочные люди? – Топоров и Иванов. Куда тогда ехать надо? В Пензу? Вы знаете, это правда. Был период, когда в Москве было два молодых человека, которые продолжали сохранять порядочность двумя совершенно разными манерами. Это Вячеслав Всеволодович Иванов и Владимир Николаевич Топоров. Вот так. Юрий Николаевич, когда я это ему объяснял (а я с ними дружил с юности), сказал: «Ну, Александр Моисеевич, вы преувеличиваете (т.е. преуменьшаете). Да я вижу тут бездну молодых людей с удивительными задатками». Это его взгляд на нас – нас сдвинул с места.

И второй момент, очень важный. Тогда уже меня начал интересовать буддизм и буддистская философия, я это хватал со страшной жадностью. Помню, один только раз Юрий Николаевич обратился ко мне лично. Я в его присутствии стеснялся курить, а тогда жутко захотелось курить. Мы стоим с ним на площадке лестницы Института, это был очень редкий случай. Идёт народ, и я произношу мерзкую русскую интеллигентскую фразу, за которую убивать мало, но ведь обстановка такая, что трудно было удержаться. Много лет спустя я понял, что я такой же автор этой обстановки, как все остальные. Это вам понятно? Мы забываем, что мы – авторы всех обстановок, в которых находимся. И Юрий Николаевич тогда высказал одну мысль. Вот что он сказал: «Вы поймите, когда люди пытаются быть нравственными без онтологических (он употребил это слово, что меня очень удивило) философских оснований, то, по крайней мере, в западном обществе (он считал всё-таки, что мы – западное общество) ничего не получится, не будет никакой нравственности. Нравственность – это то, что слито с кармической тяжестью совершаемого поступка». Только тогда я стал понимать, насколько буддизм отличается, скажем, от современных и древних западных философий. Введён элемент кармической тяжести – твой поступок, который ты у себя за столом или на кухне, или о тебе, в газетах или журналах, называешь аморальным. Его аморализм так же эфемерен, как и его морализм. Оба слова имеют смысл только постольку, поскольку они меняют бытийную структуру Космоса, которая формируется в карме. И твой поступок плох не только и не столько потому, что он причиняет вред другому существу или, прежде всего, самому тебе, а поскольку он ухудшает всё. Ухудшает всё, поскольку вы этим усиливаете тяжесть кармичности. Ты плохой – значит, всё плохо. Всё – это работа, которую ты не сделал. Что значит – всё плохо? Значит, что ты не сделал работы и обозначаешь это. Если хотите, я приведу один эпизод. Или хватит?

– Нет, нет, очень интересно. Если Вы не очень устали.

– Да нет, средне. Я приведу один эпизод. Один случай, несколько вульгарный. Надо отдать нам справедливость, мы старались не мучить Юрия Николаевича вульгарными вещами. Был у нас аспирант (да он и есть, я уверен, что он жив, он моложе нас), которого «завалили», по мнению всех, потому что он был еврей. Завалили по указке зам. по кадрам и секретаря парторганизации. Мы бросились к Юрию Николаевичу. Он говорит: «Ну что вы, вы глубоко ошибаетесь. Я не могу себе представить, чтобы такой обаятельный человек, как зам. по кадрам, был антисемитом. Это непредставимо. Что касается секретаря парторганизации, то ведь это человек с превосходным знанием английского языка и с разумными взглядами. Я не верю!». Но пошёл с ними беседовать. И вы знаете, по рассказу зам. по кадрам, через три месяца, мне: «Ну, знаете! Когда такой человек с вами говорит!». То есть, кто угодно это чувствовал! Вы представляете себе, кто таким был зам. по кадрам Института востоковедения – бывший лагерный надзиратель. Он мне говорит: «Но Юрий Николаевич – это же такой человек! Ну, примем мы того, примем». Понимаете, люди менялись к лучшему прежде всего из-за отношения к нему. Откуда это берётся? Ниоткуда. Я бы сказал – из мира дхармы, простите за догматизм.

Больше этому неоткуда взяться. А уж секретарь парторганизации, он просто на ходу растаял и всё ходил и говорил: «Какой человек! Какой человек! Почему у нас таких нет?». Задал философский вопрос. Нет, скорее социологический: «А почему у нас таких нет?».

– *Мистические взгляды Юрий Николаевич, когда он с вами общался, в той или иной степени высказывал, выражал своё отношение к потустороннему? Это важно.*

– Конечно, выражал. Поймите, он никогда не был ни с кем скрытным человеком.

– *А мистицизм?.. Его взгляды носили исключительно буддийский характер или они были более общими?*

Я могу ошибаться, но думаю, что он был последователен в своём махаянском, позднем тантризме. И думаю, что всё-таки здесь вес имела также концепция калачакры. Но это, если говорить о буддизме в целом, очень сложная концепция.

Сейчас вы можете за 5 копеек купить брошюру «Калачакра для всех» или «Сексуальная йога для всех». Однажды я не вытерпел и пристал к нему. (Боже, как мы мучили этого замечательного человека!) Я говорю: «Юрий Николаевич, ну два слова о сексуальной йоге». Он, как всегда, улыбнулся и сказал: «О-очень сложные тексты, разбирать надо лет пять, а потом лет семь-восемь – йогическая тренировка!» Пожалуйста, вот вам за 5 копеек брошюра «Сексуальная йога для всех»! И заметьте, это, и то, что мы видим сейчас, не профанация священного, а вполне закономерное, с точки зрения тех же текстов, восприятие не только низами, но и через низ. В то время как единственная форма, в которой буддизм может восприниматься, – это по вертикали, с самого верха вниз, и когда ещё до низа дойдёт! И кстати, ничего не нужно никому говорить, надо читать буддийские тексты. Думаю, Юрий Николаевич, конечно, был последовательный тантрист.

– *Теософские мифологемы, это было просто как бы дань уважение матери Елене Ивановне, любовь к своей семье?*

– Да, в его жизни до последнего дня играли огромную роль «папочка» и «мамочка». Так он их называл. Он же был нормальным цивилизованным человеком. Мы привыкли к пошлой борьбе отцов и детей, дедов и внуков – чушь всё это собачья. Она же существует только на определённом уровне, очень низком. У него подобное отношение к родителям было совершенно невозможно.

– *А все мифы, которые холили и лелеяли его родители, были частью его духовной биографии?*

– Безусловно. И не забывайте, отец сделал из него профессионального кочевника-путешественника. Этот сверхинтеллигент Николай Константинович обожал степной и горный Восток и чувствовал с ним свою близость. И не только по крови, генетическую. Ведь Рерихи наполовину – Рюриковичи, наполовину – золотоордынские князья. Всё слилось вместе. Это то, с чего я начал. И на Юрия Николаевича влиял авторитет отца, я думаю. Надо отдать Николаю Константиновичу справедливость. Я шибко папу не люблю, его философию, да мало ли кто кого любит, кто кого не любит. Но в какой-то степени, только в «какой-то», конечно, он сформировал Юрия Николаевича.

– *Юрий Николаевич верил в поиск Шамбалы, на открытие которой отправлялась экспедиция, или это был камуфляж чего-то другого?*

– Разумеется, верил. Так, по крайней мере, я понял из немногих разговоров с ним.

– *Спиритические сеансы, в которых Юрий Николаевич участвовал в Париже, это была дань моде или попытка проникнуть через непроницаемую завесу?*

– Понимаете, тогда же была мания духовности, которая была на 99% халтура и враньё, а на 1% там что-то было. Поэтому я сам как бы себя обрываю, когда её ругаю. Говорю: «А что, сейчас лучше? Дайте мне этот 1%! Дайте мне его! Потому что брать надо – это уже моё – откуда угодно и ничего не отбрасывать».

**Речь на торжественном заседании,
посвящённом 100-летию со дня рождения Ю.Н. Рериха.**

А.М. Пятигорский

А.М. Пятигорский (Лондонский университет, Великобритания)
9 октября 2002 г. Санкт-Петербургский государственный университет,
здание Двенадцати коллегий, Петровский зал.

Господин председатель, уважаемые коллеги, дамы и господа!

Прежде всего, я хочу вас предупредить, что моё выступление не просто личное, но и крайне субъективное. Я буду говорить о Юрии Николаевиче так, как я и мои молодые тогда коллеги его видели и слышали (к сожалению, это мало продолжалось), и как мы его полюбили. Поэтому ни о каких юбилейных вещах - о его значении в науке, о его связях с учёными, о его значении в культуре - здесь не будет ни слова, иначе я не сразу хочу начать с того, что важнее всего для меня самого, что было и остаётся самым важным в Юрии Николаевиче. Потому что, понимаете, существует такая стандартная поляризация, когда о ком-то говорят: он был такой-то учёный - объективный аспект, и такой-то человек - субъективный аспект. Вот этого разграничения здесь не может быть. С первого момента, когда мы увидели его в нашей комнате, - мы всё-таки получили комнату, хотя мало на это рассчитывали, и только благодаря тому, что нашим начальником был назначен Юрий Николаевич, - вот с этого момента это различие для нас не существовало. Что существовало? То, что нам тогда было нужнее всего: для нас и для меня лично Юрий Николаевич был, если хотите (и это без всякого пафоса), буддизмом в Институте востоковедения Академии наук. Не представлением о буддизме, не библиографией, не монографией, не диссертацией, не профессорством - он был тем, чего мы до него не видели, уже прочтя довольно много книг и бездну статей по буддизму, - он сам по себе был каким-то буддистским, буддистическим образцом. И вот это было для нас самым главным.

Теперь немного из контекста, простите, без этого трудно. Я помню, как где-то в конце 1956 г. ко мне подошёл заведующий отделом и сказал: «Рерих едет». Я говорю: «Какой Рерих?». Ни мои друзья, ни я ни малейшего представления не имели какой. Я пожал плечами, вспомнив о его батюшке. «А вот, сын самого Рериха, Николая Константиновича. Он, по-видимому, будет заведовать сектором», — сказал мой главный начальник. В комнате присутствовало несколько человек, и мы сразу увидели по лицу этого начальника, что он этого не одобряет. Этого в институте не одобрял никто. Это считалось одной из выхонок покойного Никиты Сергеевича Хрущёва. (Хрущёв-то был, с вашего любезного разрешения, ещё и эксцентрик). Взял и привёз Рериха сюда. Пределом этого, конечно, было, когда, нисколько не стесняясь окружающих, в буфете, к кому-то обращаясь, первый заместитель директора нашего института (не буду называть фамилии только потому, что противно) сказал: «Вот вам ещё одна странность: мы только разворачиваем работу в нужном направлении, и вот- Рериха сюда везут». Разумеется, я немедленно передал это моим друзьям, которые пришли, конечно, в полный восторг. То есть, мы с самого начала, и надо сказать, очень эгоистически, решили: Рерих едет к нам, а они - эти самые псы вокруг нас. Понимаете, это тоже ведь было дурно, мы тогда этого не знали. Потому что мы уже жили в презрении ко всем, кто нами руководил. И вот, слава Богу, теперь нормальный человек, нормальный учёный едет.

Я всё-таки должен сделать маленькое отступление, с разрешения председателя. В нашем

институте была бездна талантливых людей, прекрасных учёных, одарённых востоковедов, может быть, я немножко перебираю, не бездна, но было, у кого поучиться. Но среди них не было личностей, почти не было. Всю свою личность они уже давным-давно к этому времени уступили тем, кто ими, и нами, и мною правил. И мы рассчитывали на Юрия Николаевича: вот, приезжает личность.

И вы знаете, он нас удивил с самого начала. Этого я не могу не рассказать. Говорят, он был человеком из Другого мира. Ничего подобного. Я думаю, что в любом мире, и у нас, и на Западе - в равной мере - Юрий Николаевич был человеком особым. И эта особость его проявилась с первого момента. А как вы знаете, в истории России «с первого момента» фактически означает «с первого скандала», потому что других интересных моментов не было. Итак, первый эпизод. Была создана комиссия по изданию новой серии. Собственно, это было продолжение «Библиотеки Буддики». Комиссия, конечно, состояла из людей, которые не имели никакого представления ни о чём. Им пришлось пригласить и Юрия Николаевича. Надо сказать, что всё, что эти люди делали в отношении Юрия Николаевича, им приходилось делать, они делали это против своей воли. И Юрий Николаевич этого не мог не чувствовать, но никоим образом никогда не показывал, и не потому, что он себя заставлял, а потому что в этом была его особость. Особость его исключительной, я бы сказал, буддийской личности. Мы, естественно, всё знали о первом заседании этой комиссии, подготовительном, где руководителем был наш парторг отдела. Набросились мы на Юрия Николаевича и говорим: «Ну вот, этот бандит, разбойник с большой дороги, гэбэшник, человек поздних тридцатых...». Юрий Николаевич мягко-мягко пожал плечами и сказал: «Но вы ведь прекрасно помните буддийские тексты. Этот человек - такой же поток сознания, с такой же кармической отягчённостью, каковыми являетесь вы». Только я это сейчас говорю темпераментно, а он говорил тихо-тихо. Мы говорим опять: «Но нельзя же, ну бандит». - «О, что вы, Иван Сергеевич - я с ним недавно беседовал - по-моему, он человек духовно вполне перспективный. Если, конечно, с ним работать». Понимаете, для нас же тогда это всё было полнейшим абсурдом. Мы думали, ну что с человеком делать, ну ничего же не видит вокруг себя. Только постепенно мы стали понимать, что это мы ничего не видели, что это мы делили всех людей на честных и негодяев, на воров и обкрадываемых. Только позднее я осознал: мы все читали буддийские тексты и ничего не воспринимали. А что мы должны были воспринимать? Только одно, и это потом Юрий Николаевич стал говорить нам совершенно чётко и открыто: «Это же о вас говорится. Вот вам не нравится этот мир, но вы же и есть этот мир. Значит, надо обо всём думать и говорить только в смысле своего собственного сознания. Вы же это и есть». И вы знаете, у нас на глазах он это стал применять на практике.

Как он говорил с высшим начальством! Он говорил с ними, с самыми отпетыми людьми,

так, будто это были джентльмены высшего полёта. С этим связан второй эпизод, комичный. Был у нас один аспирант, полный недотёпа, который никогда не знал, что сказать, когда сказать, кому сказать. В довершение всех бед ещё и еврей, с такой еврейской физиономией - просто плакат для антисемита. Он держал экзамены в аспирантуру. А у нас же была своя разведка, вы понимаете, и нам донесли, что начальник отдела кадров, Александр Иванович, бывший лагерный надзиратель, уже заранее решил его завалить. И мы побежали к Юрию Николаевичу. «Юрий Николаевич, надо Борю спасать. Его этот антисемит хочет завалить в аспирантуру». - «Кто? Александр Иванович?». Мы говорим: «Да». - «Ну что вы, он добрейший человек, он мухи не обидит». Взял и пошёл к Александру Ивановичу. Уже спустя много лет Александр Иванович, бывший надзиратель, говорил нам: «Вот вы как ко мне относились? А Юрий Николаевич пришёл, и я вдруг почувствовал себя настоящим человеком, так он со мной говорил». И что вы думаете? Был небольшой скандал на экзаменах, но Боря прошёл. Естественно, мы скоро забыли об этом, жизнь неслась своим потоком. Но знаете, эта манера! Эта манера человека, живущего в сознании и учащего молодых людей жить в сознании, а не жить в этих пошлых, как бы сейчас сказали лингвисты, оппозициях, которые разрушают сознание, которые губят сознание, которые не дают сознанию развиваться, потому что в итоге ведь всегда получается, что я прав, а тот, кого я не люблю, не прав, что я хороший, а кто-то - дурной, что я благородный человек, а кто-то - сволочь. Это его обращение с людьми - я никогда не скажу здесь вульгарного слова как с равными - как с сознаниями, потому что ни одно сознание не может быть равным другому! Каждое сознание есть сознание само в себе. Это был первый урок. Поэтому здесь не годится ни линия личного превосходства над другими людьми, ни столь же бездарная линия выдуманного равенства, которого нет, потому что есть в каждом отдельном случае уникальность сознания, уникальность индивидуального сознания. Оно не может быть равно другому. Оно всегда есть абсолютное и особенное, со своим кармическим грузом, со своими потенциями, со своими взлётами и провалами. Я увидел, как это постепенно входило не только в нас, но и во всех этих людей. Сначала, разумеется, мы считали, что это тоже буддизм, но с какой-то очень сильной примесью джентльменской эксцентричности. Потому что, я должен сказать, Юрий Николаевич был абсолютный джентльмен. Я не могу при этом не вспомнить, как определял джентльмена основатель дендизма Джордж Брамэл. Он говорил: «Настоящий джентльмен - это тот, с которым всем приятно. С ним приятно его генералу, если он офицер, с ним приятно его солдату, с ним приятно его кучеру, с ним приятно его парикмахеру, с ним приятно его королю». Юрий Николаевич как раз распространял вокруг себя атмосферу приятности, приятности в буквальном смысле этого слова, на санскрите - приета - почти то же самое слово со слегка другим семантическим оттенком. И вот эта приета, это стало проникать в нас.

Между тем положение становилось всё хуже, начались более или менее прямые нападки на научную линию Юрия Николаевича, и назревал новый скандал в дирекции и в парторганизации. Мы опять атаковали Юрия Николаевича в его кабинете и спрашиваем: «Что делать?». Вы понимаете, что мы были, в общем-то, глупыми поклонниками, которые пытались войти в суть этой его реальной и актуальной буддистичности. И я помню, он сказал: «Что делать? По-моему, всё в порядке. Учить тибетский». - «Как "учить тибетский", когда такое происходит?!» - «А какое имеет отношение ваше решение учить тибетский к тому, что происходит? Ведь этим вы себя немедленно ставите в зависимость от того, что происходит». И действительно, это так и было. А потом он ещё раз улыбнулся, и, взглянув на меня, - я ему всё время жаловался, что мне плохо даётся санскрит - мягко добавил: «И санскрит». А потом уже на выдохе: «И пали». Мы думаем:

«Ну, это уже совсем чистая утопия». Тогда покойная ныне Октябрина Фёдоровна Волкова, наша староста, спрашивает: «А как, Юрий Николаевич, Вы с нами будете заниматься пали?». А он был очень занят, он уже преподавал тибетский и старомонгольский. И тут он говорит: «Блестящая идея! Здесь же профессор пали - посол Цейлона в Москве, господин Малаласекера, он вам и будет преподавать пали». Мы, естественно, не поверили - утопия! Он позвонил заместителю министра иностранных дел, и тот сказал, что он не может решить этот вопрос, это вещь беспрецедентная. Почему посол Цейлона (в котором Россия тогда была крайне заинтересована), как вообще с ним можно говорить о подобных вещах? И это надо, как он сказал, провентилировать в ЦК. Юрий Николаевич вернулся в восторге от слова «провентилировать». Нам это тоже доставило удовольствие. А потом он говорит: «Да нет, это можно как-то сократить». Он нам не сказал, как, но в тот же день позвонил Никите Сергеевичу, который обладал уникальной способностью ни в чём не разбираться. - «А чего там такого, - сказал он (Это нам передал Юрий Николаевич), - а чего такого, пусть преподаёт». Мол, ничего страшного с ним не сделается. И что вы думаете? Через две недели является к нам Малаласекера. Директор, конечно, вынужден был его встретить, но в администрации это вызвало возмущение: «Ну кому это нужно? - как они нам это объясняли, - да зачем это!?!». Так начались наши занятия с Малаласекерой.

Но Юрий Николаевич не успокоился: «А вы знаете, вам как-то надо показываться другим людям». Мы как раз хотели наоборот, без всякого показа, чтобы на нас как можно меньше обращали внимания. Но он говорит: «Нет, вы знаете, как замечательно, завтра юбилей независимости Индии, меня пригласили на приём в Индийское посольство, вы все - со мной. Мне будет приятно, что же это я один пойду, люди скажут, у меня учеников нет». Нас было человек десять. Оказалось, что у нас нет никаких пропусков, какие-то люди из госбезопасности говорили, что это всё не согласовано, но тут кто-то поднимал палец, что означало, что это тот случай, когда... И вот мы стали ходить по этим приёмам, нам было жутко интересно. Я помню, самый замечательный приём был в честь годовщины независимости Цейлона, который устраивал сам посол Малаласекера, а мы уже как бы были его знакомые, он нас лично угощал, мы были польщены бесконечно. Мы вышли из главной комнаты в приёмную покурить, и вдруг вырастают два громалы: «Сюда нельзя». Оказалось, что из банкетной никуда нельзя было выходить, везде стояли огромные мужественные «джентльмены» с руками в карманах. Тут выходит Малаласекера и говорит: «Простите, пожалуйста, я забыл вам сказать...». И Рериху (а с ним они были давнишние друзья): «Я совершенно забыл, что сюда собирался заехать Никита Сергеевич Хрущёв». Вы знаете, плотность телохранителей и охранников уже превзошла всё видимое в сансаре. И я помню, Юрий Николаевич оборачивается ко мне: «Вы когда-нибудь видели Хрущёва?». Я говорю: «Господь с Вами, ну кому он нужен?» - «А вот сейчас увидите. - И добавил, - Вы знаете, милейший человек». Дверь распаивается так, как будто её ударили ногой, и вот является Никита Сергеевич, обнимает Юрия Николаевича, низко кланяется Малаласекере и произносит слова, которые меня тогда удивили: «Вы думаете, что я на банкет пришёл, на ваш национальный праздник? Если бы я на все банкеты в посольства ходил, то меня бы вообще нигде не было. А я пришёл ради вас, потому что я вас уважаю». И махнул рукой, давая всем окружающим понять, что никого он вообще не уважает: ни Цейлон, ни их всех. Его лицо как бы говорило: «Ну чего пялитесь, дураки, я вот к нему пришёл». То есть к Рериху. Мы решили, что нам повезло: посмотреть всё-таки фараона вблизи, да ещё явно не в худшем виде. Но вы знаете, что было самое удивительное? Всё-таки это продолжалось долго, и вдруг по окончании Юрий Николаевич подошёл к нам и говорит: «Был пропущен прошлый урок пали, посол сказал, что сегодня вечером надо позаниматься». - Потому

что, если отменять занятие из-за каждого банкета, каждого эпизода государственной деятельности, так ведь никогда пали не выучишь. И вот мы все вместе отправились в двух огромных машинах в институт, где стали заниматься.

Не хочу всё-таки излагать эту картину односторонне. Я думаю, что атмосфера где-то уже в конце 58-го года стала на Юрия Николаевича действовать. И я стал ощущать в нём - нет, ни малейшей раздражительности или нетерпения! - но мы все стали ощущать какую-то его одинокость. Он, попросту говоря, не привык так жить. А как? Очень просто - в сущности, он не привык жить в атмосфере, где что угодно, любой разговор, каждую встречу надо было каким-то особым образом понимать. Это была атмосфера Москвы, Академии наук и нашего института. Всё имело значение. А ведь к этому надо привыкать. Мы-то в этом были рождены. Что кто сказал, как он сказал, каким голосом, как кто улыбнулся и т. д., и т. д. Вот этого Юрий Николаевич постичь не только не мог, но и не желал. Иначе говоря, - опять же с оговоркой, что были люди замечательные, были прекрасные учёные — он попал в атмосферу неявного или явного холопства, зависимости, а это явление, как мы знаем из русской истории, для России не новое. И вот это постепенно стало его тяготить всё больше и больше. Он, видимо, начинал чувствовать свою, если хотите, экзистенциальную одинокость. Потому что мы же были молодые люди, с которыми не была связана его жизнь. Людей, с которыми была связана жизнь его семьи, его круга в Москве практически уже не было. На самом деле, я думаю, он многое понимал, но он не желал отвечать именно в смысле такого рода понимания.

Тут замечательным был один вечер, когда мы остались и опять же стали жаловаться на то, что не хватает времени, которое мы, как вы понимаете, беспардонно тратили зря на пьянки, на разговоры, на обсуждения- тратили на молодость... И вот тогда он (всё это продолжалось не больше 40 минут) - тут он явно выступал как Учитель, и я думаю, он уже осознавал эту свою функцию в отношении к нам - тогда он сказал: «Вот мы сейчас читаем Дхаммападу на пали, читаем два тибетских текста... Но мы же знаем, что такова сансара, таков феноменальный мир, таково страдание духа». Ведь что значит для нас всех страдание? Довольно абстрактная вещь, пока не начинаю страдать лично я или близкие мне люди. Юрий Николаевич тогда сказал: «Поймите, это неудобно, это неприятно, но вы постарайтесь видеть другую сторону этого, назовём это вашим страданием». А другая сторона этого такова, что если бы вы в дополнение ко всему ещё и не страдали, так вообще бы, говоря на добром старом русском языке, и не почесались бы тогда! Вы представляете, что если бы у среднего думающего человека всё было в порядке, он бы превратился, очень быстро, в абсолютную свинью. Только то, что его всё время что-то гложет, что-то неприятно, даже, казалось бы, в полной удаче, в счастье, заставляет его начинать думать о себе как носителя своего собственного уникального сознания. И вот это осознание себя как сознания и всего окружающего как сознания, без этого осознания, он нам говорил, никакие храмы, никакие молитвы, никакие ритуалы ничего с тобой не сделают.

Тут я хочу перейти к последнему моменту, который я считаю наиболее важным и наиболее интересным. К буддизму, который он выражал. Ведь тогда была эра обновления религиозных поисков, или, как теперь стали выражаться на пошлейшем псевдонаучном языке, поиск религиозной самоидентификации. Кошмар! Безвкусица. Самое страшное, когда буддизм или любая другая религия нужны человеку вместо чего-то. Например, жизнь не удалась - человек уходит в религию. Православие не нравится - человек стал заниматься буддизмом. Атеизм опостылел - человек идёт в религию. На самом-то деле это и есть профанация любой религии! Любая религия, любая религиозная философия, я бы добавил от себя, не может быть ни для чего-то, ни вместо чего-то. Если она что-то компенсирует для вас - личную неудачу, неустройство, несчастье - то это же не по-

настоящему. Любая религиозная концепция - в своей собственной абсолютной позитивности. И вот это, согласитесь, далеко ещё не всеми понимается. Юрий Николаевич говорил, что для того, чтобы осознать себя как сознание, стремящееся к Нирване или хотя бы к познанию каких-то пусть самых далёких путей, к этой Нирване ведущих, или могущих привести, вот для этого необходима упорнейшая работа не против окружения, не против правительства, не против дураков, не против холуев - это каждый может - а против самого себя. Как сказал Будда: единственная война - война с самим собой, единственная победа - победа над самим собой. Мы, конечно, были дураки, но это как-то проникало в нас всё больше, и больше, и больше. Прошли годы, и уже без Юрия Николаевича это продолжало проникать всё сильнее и сильнее.

Мы коснулись также в наших разговорах с Юрием Николаевичем аспекта, который всегда являлся одним из центральных в русской жизни и остаётся им до сих пор. Мы стали спрашивать, а что же культура, ведь без культуры мы погрязнем, без культуры мы же просто...

Я хочу сделать одну оговорку: слово русский я употребляю условно. Если вы серьёзно думаете, что в других странах намного лучше, то это опять же тот же ру-соцентризм, который всегда считает либо, что в России лучше всего, либо, что в России хуже всего. И то, и другое - нормальный идиотизм среднего человека. В России живут те же сознания, которые не хотят просвещаться, которые не хотят искать путей к просветлению, те же самые, что у бушменов, в Калахари, в Сахаре, в Нью-Йорке. Есть, к сожалению, в русской культуре эта тенденция к самоотделению во что бы то ни стало: нет, у нас не так, надо нас понять. Я бы хотел остановиться на этом важном слове «понять». Юрий Николаевич объяснял нам, что надо вести себя таким образом, чтобы не возбуждать вихри в других сознаниях, чтобы не возбуждать враждебности, ненависти. Потому что это не храбрость, а неразумие. А мы, уже тогда очень сильно склонные к диссидентству, считали это высшей доблестью. Так вот, Юрий Николаевич нам отвечал: «Хорошо, пусть культура, но что значит культура? Если вы будете знать ещё и ещё, ещё и японский язык, и корейский, то это не для того, чтобы быть культурным человеком. Любое восприятие феноменов культуры даёт эффект на сознании, только если оно даёт воспринимающему большую свободу в своей деятельности. Разумеется, одна культура, одни языки, одна литературная эрудиция никакой свободы - ни реальной, ни политической - никогда не даст, но она даст то сознательное отношение к себе и к окружающим, которое на самом деле и есть свобода». Поэтому он только слегка удивлялся, никогда себе не позволяя не только что некорректного, но даже слегка критического отношения к людям, которые знали бесконечно меньше его. А мы-то уже были элита, как всегда все ученики уже чувствуют себя элитой, преторианской гвардией, мы этого долго не понимали. И он сказал: «Это надо употреблять прежде всего на самого себя».

И самый последний момент. Дело в том, что мир начала XX века был весь заражён страшной чумой. И не надо называть эту чуму чумой коммунизма или чумой фашизма. Он был заражён чумой политики. Человек с юных лет - будь то в России, Германии, потом это проявилось в Штатах - воспитывался уже как какое-то сверх-политическое животное, при том, и это очень важно, что у него не было политической свободы. А нет ничего страшнее, чем политика без политической свободы. Это то, что душит младенческое сознание ещё в пелёнках. И вот Юрий Николаевич, окружение которого не только в России, но и на Западе было очень сильно политизировано, очень чётко и открыто говорил о том, что политика относится к разряду тех феноменов, которые настолько сложны, что с ними и политик не справится, не говоря уже о тех, для кого политика - вынужденное и навязанное извне занятие. Поймите, говорил он, что чтение буддийских текстов нужно только для одного. Ни в коем случае не для того, чтобы

оторваться от современной политической или любой другой действительности (этот эскапизм он абсолютно осуждал). Помните, о чём говорил Будда, по крайней мере, в четырёх палийских сутрах? Индивидуальное сознание на своём пути должно стать островом. То есть, чем-то самодостаточным. Не изолированным, а самодостаточным в своей сознательной активности. Поэтому, как важна культура для независимости в светских делах, так эта работа сознания, она одна, может вам обеспечить хотя бы предварительную островность. Вы не должны презирать политику, просто вы должны понимать, что она не может находиться в фокусе вашего сознания. Для этого необходима какая-то островность вашего сознания, его именно внутренняя, а не внешняя самодостаточность. Всё это нас, тогда совершенно неразумных, как-то воспитывало. И не то, чтобы мы стали намного добрее или умнее или просвещённые, но уже были даны какие-то начала, которые могли потом в жизни каждого индивидуального сознания развиваться от ситуации к ситуации и давать какой-то не внешний, а чисто внутренний эффект, потому что цель такой работы сознания прежде всего - не опираться на внешнее, не опираться на то, что сознанием не является. Так я вижу сейчас Юрия Николаевича как нашего Учителя и, добавлю, начальника. Причём сказать, что начальник юн был либеральный, это ничего не сказать. Какой-то, я бы сказал, зефирный, и при этом все абсолютно его слушались. Его нельзя было не послушаться, потому что любая его рекомендация действовала именно на ваше сознание и действовала изнутри так, что вам казалось, что это уже работа вашего сознания, а не того, кто этому сознанию помогал развиваться. Спасибо за внимание.

О А.М.Пятигорском:

- **Ученик Ю.Н. Рериха востоковед Александр Моисеевич Пятигорский**
- **Об учителе и ученике (Ю.Н.Рерих и А.М.Пятигорский)**

ⁱ Юрий Рерих: Живое наследие. Материалы к биографии
Вып. I: Сборник статей и интервью. – М.: ГМВ, 2012. – 224 с., илл.

Редактор-составитель доктор исторических наук В.А.Росов.

Сборник статей российских востоковедов посвящён жизни и научной деятельности выдающегося ориенталиста Юрия Николаевича Рериха (1902-1960). Статьи дополнены уникальными интервью учеников Рериха, в которых предстаёт живой облик учёного. Книга адресована историкам, востоковедам, культурологам и широкому кругу читателей.

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

К.Н.Яцковская. Живое наследие. К юбилею востоковеда Ю.Н.Рериха

В.А.Росов. Возвращение Юрия Рериха в «Новую Страну»

Я.В.Васильков. Ю.Н.Рерих и возрождение классического востоковедения в СССР

А.М.Шустова. Юрий Рерих как исследователь тибетской живописи

А.О.Тамашишвили. Деятельность Ю.Н.Рериха в Институте востоковедения АН СССР

А.М.Пятигорский. Учитель буддизма

ИНТЕРВЬЮ

Т.Я.Елизаренкова. Необычный человек

Шагдарын Бира. В Москве и в Монголии

М.Ф.Дроздова. Учёный, воин и человек

А.М.Пятигорский. Эффект Рериха

[youtube.com/watch?v=VEegzWqTPh4](https://www.youtube.com/watch?v=VEegzWqTPh4) – ролик в интернете, и есть скачанный